

Вернувшись из дворца в Герцогское поместье, Хан Сиэнь заперся у себя и более не переступал порога своих покоев. Император же с тех пор ни разу не призвал его к себе.

Весть о том, что наследник Хань лишился высочайшей милости, разнеслась по столице подобно весеннему поветрию. Многие, услышав об этом, открыто ликовали, потирая руки от удовольствия. Едва слухи дошли до Бай Шу, он тут же поспешил в Герцогское поместье.

Разумеется, юноша понимал: человек вроде Хан Сиэня, не боящийся самой смерти, едва ли станет дорожить чиновничьим поприщем. И все же тревога грызла его изнутри. К тому же Бай Шу всерьез опасался, что, лишившись покровительства государя, наследник окажется беззащитен перед собственной родней, и домашние не преминут нанести удар.

Выслушав сбивчивые излияния гостя, Хан Сиэнь лишь плотнее запахнул подбитый мехом парчовый плащ. Слабый здоровьем от рождения, да еще не оправившийся толком после недавнего ранения, он тяжело переносил любые невзгоды.

Стоило воздуху едва заметно остыть, как в горле у него запершило, и лишь горький отвар принес облегчение. Чтобы вновь не слечь и не томиться от безделья в постели, Хан Сиэню приходилось кутаться куда теплее обычного.

Он пристально посмотрел на помрачневшего собеседника и едва заметно усмехнулся:

— Ты слишком тревожишься. Все только начинается. Даже если сейчас на каждом углу шепчутся, будто я впал в немилость, без неопровержимых доказательств мало кто посмеет в это поверить. И уж тем более никто не решится покуситься на мою жизнь. Представь, что со мной что-то случится: вдруг моя кончина вновь обратит на меня взор государя? На такую глупость они не пойдут.

Столкнувшись с равнодушным, прохладным взглядом Хан Сиэня, Бай Шу и сам устыдился своей поспешности. Слова хозяина успокоили его, но вместе с тем в груди впервые затрепетало странное, доселе незнакомое волнение.

Ему вдруг стало не по себе.

«Неужто он держит меня за безмозглого дурака?» — от этой мысли к горлу подступила горькая обида.

Бай Шу вовсе не был безрассудным простаком, он прекрасно подмечал детали и разбирался в интригах. Но судьба распорядилась так, что с самой их первой встречи ему ни разу не представилось случая выказать перед Хан Сиэнем ни должной выдержки, ни ума.

Заметив, как помрачнело лицо юноши, увязшего в собственных безрадостных мыслях, Хан Сиэнь недоуменно прищурился. Ему было невдомек, кошка какой породы пробежала в душе гостя. В конце концов, перед другими Бай Шу держался точно так же. Он был из тех натур, что наделены недюжинным умом, но слишком ленивы, чтобы им пользоваться. К тому же из-за тяжелого детства у него начисто отсутствовали понятия о дозволенном и предосудительном. Потакая наставлениям генерала Бай, он привык скрывать истинную суть за маской ребяческой невинности.

Для Хан Сиэня подобное притворство казалось делом вполне естественным, и он искренне не понимал, отчего гость внезапно впал в такое уныние.

Утешать чужие печали было не в характере хозяина Дворика Душистых Орхидей, так что он попросту проигнорировал хандру юноши. Бай Шу же, всматриваясь в его лицо, то бледнел, то заливался краской. Так и не дождавшись, пока Хан Сиэнь разгадает причину его обиды, он резко развернулся, перемахнул через забор и был таков.

Все вернулось на круги своя, как во времена их первого знакомства, когда Хан Сиэнь упорно его дичился. Тогда Бай Шу точно так же часами вел монологи перед безмолвным хозяином, то и дело без спросу проникая в Дворик Душистых Орхидей и исчезая по собственному капризу.

Пожав плечами, Хан Сиэнь выбросил взбалмошного гостя из головы. Его мысли занимало куда более занимательное известие — появление подле императора некоего таинственного прелестника.

Государь, долгие годы остававшийся безучастным к делам своего гарема, внезапно воспылал страстью к безвестному созданию, возникшему словно из ниоткуда. Будь на его месте иной правитель, никто бы и бровью не повел. Но для нынешнего владыки подобная причуда выглядела крайне подозрительно. Он находился в преклонных летах: пускай с виду император казался крепким, годы неумолимо брали свое, и недуги исподволь подтачивали его здоровье.

Если старик решит доказать, что еще полон сил, и умудрится зачать на закате дней еще одного наследника, игра примет поистине захватывающий оборот. Впрочем, подобные мысли пока оставались лишь догадками. И все же любые перемены в покоях монарха неизбежно бросали тень на государственные дела.

Неудивительно, что герцог Хань Чжо и его приспешники следили за этой любовной лихорадкой куда пристальнее, нежели за судьбой опального родственника.

В век, когда воля венценосца определяла жизнь и смерть каждого подданного, фаворитки у трона казались полубогинями, купающимися в роскоши. Однако в лабиринтах внутренних покоев возвышение одной неизменно означало падение другой. Пока одна наслаждалась триумфом, другая увядала в безвестности, теряя всякую надежду.

Ни одна из обитательниц гарема не могла дать зарок, что завтра именно ее не сошлют в Холодный дворец.

Потому все придворные фракции не покладая рук пытались вывести хоть что-то о новом увлечении государя.

Но, к полному замешательству шпионов, им не удалось выяснить даже самого простого: кем был этот прелестник — женщиной или же двуполым гэером. Известно было лишь то, что государь случайно повстречал его во время прогулки по Императорскому саду и тотчас увел с собой. Ныне таинственный гость безотлучно находился в Зале Небесного Владыки, и никто под страхом смерти не смел вызывать его к себе.

Запрет этот распространялся на всех, включая императрицу и высокоранговых наложниц. Разве что вдовствующая императрица могла составить исключение.

Однако вдовствующая императрица была уже слишком стара и давно отстранилась от дворцовой суеты. Едва ли она стала бы вмешиваться в прихоти сына и подрывать его авторитет. Так что придворные даже не надеялись на ее вмешательство.

Странно было другое: если этот фаворит действительно пользовался безумной благосклонностью, отчего государь до сих пор не пожаловал ему никакого титула? Формально тот оставался на положении безродного слуги при высочайшей особе. С другой стороны, поговаривали, будто император ежедневно проводил с ним по несколько часов наедине за закрытыми дверями.

В тот памятный день, когда император впервые заметил прелестника, его сопровождал один лишь евнух Юань Бао. А уж этот старый лис умел держать язык за зубами — без прямого дозволения повелителя из него и слова нельзя было вытянуть.

Такая глухая стена таинственности приводила столичных сановников в уныние.

Отчаявшись разузнать хоть что-то о новом увлечении монарха, вельможи вновь переключили внимание на Хан Сиэня. По столице поползли ядовитые сплетни. Судачили столь усердно, что о падении наследника Хань теперь знали даже рыночные зазывалы и простые извозчики.

Разумеется, в самом герцогском поместье тоже не утихали пересуды. Первой не выдержала Хан Минчжу. Услышав, как челядь моет кости ее брату, она велела своим слугам схватить двух особо бойких служанок и за клевету на господ приговорила их к тридцати ударам тяжелыми палками.

И пусть барышня пощадила их жизни, обеих сплетниц уносили бесчувственными и истекающими кровью. Эта внезапная жестокость со стороны кроткой девицы быстро охладила пыл тех, кто надеялся поживиться на беде законного наследника.

После расправы Хан Минчжу без тени смущения отправилась в покои старой госпожи Хань. Там она горько разрыдалась, жалуясь на распущенность прислуги. Девушка твердила, что дерзость рабов граничит с изменой, а поскольку Хан Сиэнь все еще остается законным

наследником, подобные грязные слухи порочат честь всего рода. В завершение она умоляла бабушку немедленно продать провинившихся с аукциона.

Поскольку виновниц поймали с поличным, старой госпоже пришлось уступить, хоть в душе она и кипела от злости. Раздувать скандал было не с руки — позор пал бы на всю усадьбу. Продавать девок старая госпожа Хань не стала, ограничившись строгим выговором для вида, и на том дело замяли.

В последнее время госпожа Лю была слишком занята слезкой за Тао Яо, отчего надзор за слугами ослаб, и вести о случившемся все же просочились за ворота.

И каждый, до кого дошли эти слухи, независимо от отношения к наследнику, пришел к выводу: старая госпожа Хань совсем сдала и растеряла былую хватку. Случись подобное прежде, она бы лично приструнила челядь, да так, чтобы другим неповадно было шептаться. А теперь она лишь малодушно отмалчивалась, силясь сберечь остатки мнимого покоя.

Сама Хан Минчжу не ставила брата в известность о своем поступке, да и Хан Сиэнь, узнав о нем, не счел нужным поблагодарить сестру. Наблюдая за этим молчаливым противостоянием, слуги окончательно запутались, в каких ладах состоят между собой брат и сестра.

Спустя месяц рана на плече Хан Сиэня затянулась без следа. Осеннее тепло окончательно сменилось сырой прохладой, и на столицу незаметно опустилась зима.

Тем временем в Герцогском поместье случилось событие, наделавшее немало шуму. По делам, связанным с делами двора, усадьбу повадился навещать пятый принц Цзи Хуай. Во время своих визитов он случайно прослышал о грязных сплетнях, коими исходила челядь в адрес Хэ Юйчжу. Шептались, будто юная барышня после падения в пруд занемогла столь сильно, что вряд ли оправится, да и помыслы ее слишком уж нечестивы для безродной сироты.

Глава второй ветви рода Хань Шу и вовсе спьяну ляпнул, будто девица возомнила о себе невесть что. Мол, раз пятый принц вытащил ее из воды, так теперь ей прямая дорога в княжеские покои.

«Девка метит в облака, да только силенок не хватит», — глумился дядя.

Подобные речи глубоко возмутили Цзи Хуая. Поведение Хань Шу казалось ему недостойным звания благородного мужа. Вскоре принцу на глаза попалась и сама виновница сплетен — исхудавшая, бледная, с печатью глубокой скорби на некогда сияющем лице.

Завидев принца, Хэ Юйчжу поспешно поклонилась и, точно испуганная лань, бросилась прочь. На душе у Цзи Хуая сделалось скверно. Как ни крути, спасая ее из пруда, он невольно коснулся

ее тела, нарушив приличия.

Грязные намеки Хань Шу били по репутации самого принца. Ведь девушка рисковала жизнью ради спасения его нареченной, Хан Цинсюэ, а после скромно удалилась, дабы не навлечь позора. И вместо благодарности родственники обливали ее грязью. При мысли о том, что этот невежа Хань Шу вскоре станет его тестем, Цзи Хуай ощутил глухое раздражение.

Вернувшись во дворец сам не свой, Цзи Хуай переговорил с матерью, добродетельной наложницей Хань Юнь. Уж какие доводы он привел, неведомо, но уже на следующий день из покоев Сянь-фэй прибыл посыльный с повелением доставить Хэ Юйчжу во дворец — якобы для того, чтобы скрасить одиночество государыни.

Когда спустя несколько дней Хэ Юйчжу вернулась в усадьбу, следом за ней прилетела благая весть. Наложница Хань Юнь передала, что девица пришлась ей по сердцу, а посему в свое время она войдет в дом пятого принца вместе с Хан Цинсюэ, дабы сестры могли поддерживать друг друга вдали от родного гнезда.

Эта весть несказанно обрадовала Хан Сю, зато всю вторую ветвь повергла в уныние. Хань Шу под тяжелыми взглядами супруги и дочери готов был выть от бессилия. Да, в последние недели он частенько прикладывался к чарке, но чтобы трепать имя сироты? Как он мог так оплошать?

Разве стал бы он, глава почтенного семейства, марать честь девицы, живущей под его кровом? Но когда госпожа Чжан с пристрастием принялась допрашивать мужа, тот прикусил язык. Разве упомнишь, что сболтнул во хмелю? В конце концов несчастному Хань Шу пришлось покорно признать вину, проклиная собственную слабость.

Хан Цинсюэ, впрочем, отцу не поверила. Она знала, что Хан Сю денно и ночью увивается вокруг старой госпожи, пытаясь выгадать пользу для своей дочери. И пускай Цинсюэ держала ухо остро, в столь смутное время у тетки попросту не хватило бы влияния проверить подобное.

Что же до самой Хэ Юйчжу, то слуги в поместье заискивали перед второй ветвью и ни за что не стали бы помогать безродной приживалке.

В долгих раздумьях Хан Цинсюэ то и дело возвращалась к мысли о старшем брате. Хан Сиэнь казался единственным, кому под силу сотворить подобное. Но доказательств у нее не было, и девушке оставалось лишь затаить подозрения глубоко в душе.

Она твердо решила: до самой свадьбы никто из ее близких не должен приближаться к Дворнику Душистых Орхидей и на шаг.

В день, когда небо затянуло серой хмарью и припустил мелкий, занудный дождь, Хан Сиэнь окинул взглядом собранные им бумаги и велел запрягать экипаж. Настало время нанести визит во дворец.

За его отъездом следили десятки зорких глаз. Недоброжелатели злорадно потирали руки, надеясь, что строптивому юнцу вновь укажут на ворота. Однако судьба распорядилась иначе. Пускай Хан Сиэню пришлось изрядно подождать в приемной зальной палате, в аудиенции ему не отказали.

Более того, именно в этот день наследнику Хань довелось воочию увидеть того самого таинственного престестника, что безотлучно находился при государе.

<http://bllate.org/book/20088/2002049>